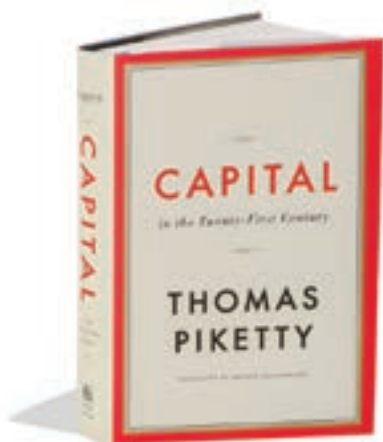

Возвышение одного процента самых богатых

Thomas Piketty

Capital in the Twenty-First Century

Belknap Press, Cambridge, Massachusetts, 2014, 685 pp., \$39.95 (cloth).

Эта важная и увлекательная книга, бесспорно, относится к числу наиболее авторитетных материалов в области экономического анализа за последние десятилетия. Основная часть дискуссий относительно неравенства в последние годы является итогом работы Томаса Пикетти и его коллег-исследователей.

Предыдущие исследования проблемы неравенства были сосредоточены на данных из обследований населения, которые характеризовались на основе «индекса Джини», позволяющего измерять распределение доходов в данной стране. Но индекс Джини не учитывает основные изменения в верхнем сегменте распределения доходов частично из-за того, что очень богатые часто не сообщают обо всех своих доходах. В лучшем случае, эти обследования позволяют измерить доходы, а не богатство.

Пикетти тщательно использует новые источники данных, чтобы показать, что неравенство доходов в последние десятилетия резко возросло и достигло чрезвычайно высоких уровней в США и, в меньшей степени, в нескольких других англоязычных странах. Это повышение было обусловлено в основном неравенством уровней заработной платы между одним процентом богатейших людей в обществе и всеми другими. (Жаль, что в этой объемной книге не нашлось места для ответа критикам, которые объясняют эти результаты искажениями в данных.)

Стандартное объяснение заключается в том, что образование отстает от растущих потребностей в квалифицированной рабочей силе. Вряд ли, говорит

Пикетти. Это не объясняет, почему неравенство резко увеличилось даже среди выпускников лучших вузов.

Могут ли эти заоблачные зарплаты генеральных директоров крупнейших компаний отражать их способность обеспечивать огромное увеличение стоимости? Нет, силы, отдающие победителю все ресурсы, действовали бы также в других развитых странах, таких как Япония, Франция и Германия, где мы не наблюдаем таких повышений относительной заработной платы.

Может быть, эти другие страны противодействуют последствиям технологического прогресса для относительной заработной платы, что вызвало замедление роста, наблюдавшееся в нескольких таких странах примерно в то же время, когда неравенство стало увеличиваться в США в конце 1970-х годов. Но реальный рост на душу населения в обеих группах стран является примерно одинаковым приблизительно с 1980 года.

Для Пикетти наиболее вероятное объяснение (хотя у него есть менее четкие доказательства) имеет по сути культурный и политический характер; политическая элита в Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве провела радикальные рыночные реформы, которые снизили максимальные ставки налогов, не допускали роста минимальной заработной платы, ослабили профсоюзы и способствовали изменению разницы в оплате труда, которая считалась приемлемой.

При структуре корпоративного управления, где элита назначает друг другу зарплату, мало что ограничивает самые высокие зарплаты. Решение проблемы, согласно Пикетти, заключается в том, чтобы отменить эти изменения. Он отмечает, что рост экономики в США и Соединенном Королевстве, когда они снизили свои предельные налоговые ставки, не увеличился по сравнению с аналогичными странами континентальной Европы.

Неравенство доходов в форме заработной платы ограничено небольшим числом стран, но богатство распределено крайне неравномерно во всех странах с развитой экономикой. Однако до Первой мировой войны ситуация была еще хуже. Великая депрессия и Вторая мировая война привели к значительному выравниванию. В то же самое время государственная политика в форме конфискационных максимальных ставок налогов и высоких налогов на наследство, продолжавшаяся до конца 1970-х годов, сохраняла довольно стабильное распределение богатства.

Но это, возможно, было временной передышкой. Система ставит маленького человека в невыгодные условия: большие состояния получают большую прибыль, чем маленькие состояния, и богатые больше откладывают (предположительно — Пикетти приводит недостаточно сведений о нормах сбережений). Между тем рост населения оставался, рост производительности замедляется, что означает тенденцию к обществу образца XIX века, в котором доминирует унаследованное богатство.

Для Пикетти такое общество несовместимо с меритократическими и демократическими ценностями, которые лежат в основе современных западных стран. В последний раз существенные изменения были вызваны катаклизмами Великой депрессии и Второй мировой войны. Но Пикетти сохраняет оптимизм относительно того, что идеи (и данные) могут влиять на политику. Основная его рекомендация состоит в налоге на все формы капитала, который потребует международной координации и, возможно, контроля за трансграничным движением капитала.

Эта книга содержит важные выводы для экономистов. Она представляет собой (вероятно, неприятное) напоминание о том, что показатели, которые они измеряют, отражают политические решения. Она советует им проявлять осторожность и не рассматривать последние десятилетия как своего рода «стационарное состояние»; динамика доходов и богатства после Второй мировой войны вызвана ликвидацией результатов прошлых событий, и это положение имеет более общий характер. Книга напоминает им об убедительности и доказательности простых сопоставлений фактов, собранных и упорядоченных, по сравнению со сложной статистикой и сложными моделями.

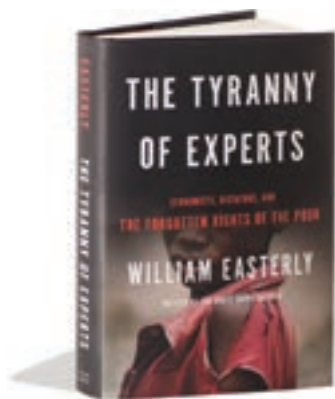
Лауреат Нобелевской премии экономист Роберт Лукас-младший, комментируя вопросы долгосрочного экономического роста, заявил, что, «начав размышлять над ними однажды, невозможно думать о чем-либо еще». Но читатели книги остаются с мыслью о том, что именно *распределение* результатов роста будет определять экономический и политический характер общества через 25 или 50 лет, — и именно этот вопрос требует нашего внимания.

Эндрю Берг,

заместитель директора

Исследовательского департамента МВФ

Развитие благодаря наличию прав

William Easterly

The Tyranny of Experts

Basic Books, New York, 2013, 416 pp., \$29.99 (cloth).

Мне очень понравились главный тезис и выводы новой книги Уильяма Истерли. Те 300 страниц, которые их отделяли друг от друга, воодушевляли меньше.

Истерли считает, что развитие монополизировали технократы: «Технократическая иллюзия состоит в том, что бедность является недостатком опыта и знаний, тогда как бедность в действительности связана с недостатком прав». Создание Всемирного банка представляет собой момент первородного греха (МВФ практически избегает критики). Последующая полемика приятно изложена, изобилует увлекательными историями, рассчитанными на широкую аудиторию и оживляющими дискуссию, которая могла бы иметь сухой теоретический характер.

Для Истерли героем является личность, освобожденная для преобразования мира или личность, скованная злонамеренными политиками. Это, по сути, типично американский, даже голливудский взгляд на человеческую природу. Его мнение о власти суммируется в названии главы об институтах: «Мы угнетаем их, если можем».

Авторитетами для Истерли являются Адам Смит и Фридрих Хайек; он бережет свое презрение для таких экономистов по вопросам развития, как Гуннар Мюрдаль и У. Артур Льюис, которые создали особую отрасль экономической теории, игнорирующую добровольный выбор и индивидуализм.

В книге приводятся наводящие на размышления материалы о происхождении технократического подхода, который Истерли датирует 1919 годом (а не речью Трумана 1949 года, которая

обычно упоминается как начало эры мощи). Он считает, что этот подход уходит корнями к попыткам отвлечь внимание от программы борьбы за права, будь то дискриминация против китайцев в США в 1920-е и 1930-е годы, попытки Британии противостоять послевоенной деколонизации или борьба за гражданские права в 1950-е и 1960-е годы. Он находит прямую ответственность в недавних войнах (в холодной войне, войне против терроризма, войне против наркотиков), где упор на технократическое развитие позволил игнорировать ситуации, когда нарушители прав были на стороне Запада.

Эта готовность забывать о правах радовала диктаторов всех мастей, которые ухватились за подход планировщиков (или, по крайней мере, за его терминологию), чтобы игнорировать оппозицию и консолидировать свою собственную экономическую и политическую власть. Он считает отказ от прав личности «моральной трагедией развития сегодня».

Со многим здесь можно согласиться: его критика подхода «с чистого листа», который игнорирует национальную и местную специфику; злоупотребление правами личности во имя некоей более высокой национальной цели; действенность спонтанных решений, а не целенаправленного проекта (при этом органы планирования ставятся на одну доску с антиэволюционистами).

Истерли даже предстает как человек, скептически относящийся к росту: «Если и есть какой-то один показатель, ради которого радостно пожертвуют правами миллионов, то это темп роста национального ВВП».

Но его аргументация спотыкается на вопросе о Китае (или в более общем плане, о Восточной Азии). Столкнувшись с исторической реальностью, когда быстрый рост в Восточной Азии имеет место при различных авторитарных системах (так называемых государствах, форсирующих развитие), сторонники американской мечты видят два варианта: согласиться, что может быть компромиссный выбор между ростом и правами, или попытаться объяснить восточноазиатское чудо триумфом прав личности и рыночных сил.

Всемирный банк пытался использовать последний вариант в докладе о восточноазиатском чуде 1993 года (который многие высмеивали), но благодаря Истерли эта попытка Банка представить факты в выгодном свете выглядит как исключительно робкая: «Существует больше доказательств для объясне-

ния возвышения Китая как экономической сверхдержавы благодаря анонимному распространению картофеля, чем благодаря мерам экономической политики Дэн Сяопина». Это утверждение кажется безнадежным.

Затрагивая область прав, он развивает тему своей предыдущей книги, *The White Man's Burden* («Бремя белого человека»), в которой проводятся различия между искателями и планировщиками — эту дихотомию я считал полезной в течение многих лет. Но его представление о правах является выборочным и неполным. Для Истерли права всегда означают права личности, а не коллективные права — нет никаких упоминаний профсоюзов, движений женщин и коренного населения или организаций производителей.

Если и есть какой-то один показатель, ради которого радостно пожертвуют правами миллионов, то это темп роста национального ВВП.

Кроме того, его портрет героических личностей, борющихся за права, основан исключительно на истории США, но в нем полностью игнорируется учреждение, которое в последние годы сделало больше, чем кто-либо другой для содействия правам человека, — это Организация Объединенных Наций. То, что эти жалкие планировщики и бюрократы в Нью-Йорке борются за права маргинализированных групп разного рода во всем мире, безусловно, противоречит тезису, поэтому их следует с помощью ретуши удалить из этой картины.

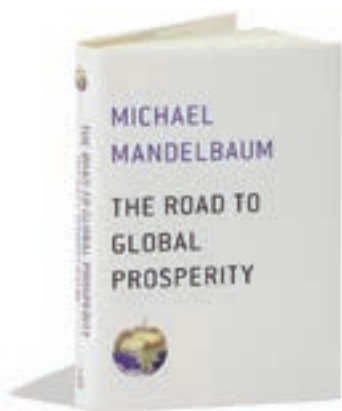
Наконец, вывод Истерли состоит в том, что если вас волнуют права, то вам следует выступать против помощи. Мой вывод противоположен. Если помощь оказывается правильно, то она может поддержать борьбу бедных (индивидуальную и коллективную) за свои права, и я наблюдал это воочию во многих странах, работая на Oxfam.

Дункан Грин,

советник по стратегическим вопросам, Oxfam GB,

автор блога «От бедности к власти»

Прогресс в политической экономии

Michael Mandelbaum

The Road to Global Prosperity

Simon & Schuster, New York, 2014, 272 pp., \$28.00 (cloth).

Глобализация (точнее, большая взаимосвязанность) в нашу эпоху доминирует, и осмысление ее достоинств и недостатков может быть основным вопросом. Многие политики прибегают к практическому подходу. Как говорится, «Хуже эксплуатации многонациональным капитализмом может быть только отсутствие эксплуатации многонациональным капитализмом». Однако литература по глобализации отличается намного большей поляризацией между энтузиастами, которые считают свободную торговлю, открытые рынки капитала и свободный поток людей великими движущими силами человеческого прогресса, и критиками, которые винят эти силы в разрушении сообществ людей и окружающей среды.

Майкл Мандельбаум относится к первому лагерю. Его новая книга легко читается и насыщена фактами. Он пытается вновь изложить позицию оптимиста, при этом энтузиазм снижается на несколько делений с учетом настроений после финансового кризиса. Его основной аргумент прост: если экономика является решением, то проблему создает политика. «Мировая экономика, когда она успешно работает, — на самом деле, из-за того что она успешно работает, — не может не вызывать противодействия ее работе, что, в свою очередь, приводит к политическим конфликтам».

После обязательной пробежки трусцой по теории свободной торговли и быстрого галопа по основным заголовкам недавней экономической истории книга начинает серьезное повествование с описания того, как по-

литика препятствует рациональной экономике, особенно в так называемой группе БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика). Индию подводит ее безалаберная, коррумпированная демократическая политика. Но будет ли она большим нарушителем хода развития, чем Китай, способность которого конкурировать в сфере услуг будет более серьезной угрозой, причем не только для рабочей силы в обрабатывающей промышленности Запада? Россия должна преодолеть взяточничество, на которое приходилось 20 процентов ВВП в 2005 году. Она также страдает от опасной смеси популизма, авторитаризма и неэффективности, при этом «доходы от энергоносителей достаточно высоки, чтобы порождать широкое распространение коррупции и препятствовать активному росту, не до-

Если экономика является решением, то проблему создает политика.

статочно высоки, чтобы поддерживать уровень жизни, к которому стремятся россияне». Бразилия также уязвима по отношению к популизму: 13 процентов ВВП уходит на пенсии, и сторонники увеличения государственных расходов, скорее всего, победят тех, «кто выступает за осмотрительность и на чьей стороне находится экономическая история».

Мандельбаум почти всегда винит людей или, точнее, методы, которыми демократия мобилизует популистские настроения, чтобы противодействовать экономической рациональности. Теоретическим топливом для этого аргумента является теорема Столпера-Самуэльсона, которая гласит, что страны в целом выигрывают от торговли, но эти выгоды распределяются неравномерно.

Вы можете подумать, что теорема Столпера-Самуэльсона вызывает очевидный вопрос о том, что делать с политэкономическими аспектами прогресса. Если общество в целом выигрывает от торговли, но некоторые группы от этого теряют, то, вероятно, имеет смысл распределять издержки, а также выгоды. Люди в мире политики и политических решений понимают это. Но, по-видимому, не данный автор. У него нет ответа на доводы дви-

жения «Захвати Уолл-стрит» и других, которые выступают не против глобализации как таковой, а против крайне неравного распределения выгод между 1 процентом и 99 процентами, и расширяющейся пропасти между доходами от капитала и труда.

В книге говорится, что она посвящена политической экономии, но проявляет наивность в вопросах политики, особенно, когда речь идет о глобальных решениях. Нам сообщают, что «никакой альтернативы нынешнему мировому экономическому порядку нет». Студенту за такое заявление поставили бы «двойку». Готовой всесторонней и реальной альтернативы, возможно, нет, но руководители центральных банков, а также антиглобалисты, лауреаты Нобелевской премии и неправительственные организации предлагают несчетное количество мер политики. По меньшей мере, эти предложения заслуживают некоторых комментариев.

Прогноз Мандельбаума является беззаботно оптимистичным: «Мировая экономика будет по-прежнему расти. Благодаря ее росту все станут богаче. Хотя это и не является неизбежным, будущее, скорее всего, будет таким». Надеюсь, что он прав. Я согласен со многим в его книге. Если вы хотите ознакомить незападного человека с мировоззрением элиты США, то эта книга — неплохое начало. Она основана на достаточно обширной информации и легко читается.

Но ее аргументы лучше понимать как симптомы проблемы, а не как ответы. Роберт Макнамара пришел к выводу, что самые большие ошибки в стратегии возникают из-за недостатка сочувствия, а не анализа. Книга, в которой почти все ссылки делаются на американские источники, и все ориентированы на английский язык, с трудом может дать представление о том, как мир выглядит снизу вверх, а не сверху вниз. Ее недостатками являются самоуспокоенность и узость мышления, что несколько парадоксально для книги, которая ставит целью осветить достоинства намного более взаимосвязанного мира.

Джефф Малган,
автор книги *The Locust and the Bee: Predators and Creators in Capitalism's Future*,
исполнительный директор
Национального фонда науки,
технологии и искусств
Соединенного Королевства